

Нефтяной рынок: от картелизации к кооперации?

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

Доктор экономических наук, профессор

Итак, 9 апреля было принято историческое решение государств ОПЕК+ о совместном ограничении добычи. А вслед за ним 10 апреля – не менее знаменательное решение министров энергетики стран «Группы двадцати» о расширении состава участников такого добровольного соглашения. Это произошло после месяца фактической конфронтации, вызванной распадом 6–9 марта соглашения ОПЕК+, когда его стороны (точнее, два основных участника – Россия и Саудовская Аравия) не смогли договориться о масштабах снижения добычи в период обвалю нарастающего спада мирового спроса в результате пандемии COVID-19.

Настоящая статья отражает исключительно личную точку зрения автора

Параметры сокращений широко известны. Страны ОПЕК+ взяли на себя обязательство с 1 мая снизить добычу, но не на предполагавшиеся 10 млн барр/сут. (МБС) в течение мая-июня, а на 9,7 МБС (см. «Соглашение ОПЕК+ 9 апреля»). Входящая в ОПЕК+ Мексика согласилась сократить производство не на 0,4 МБС, как предполагалось ранее, а лишь на 0,1 МБС. Однако ее «недобор» компенсируют США, которые 10 апреля на встрече министров энергетики стран «Группы двадцати» (G-20) совместно с рядом других государств, не входящих в ОПЕК+ (Канада, Бразилия, Колумбия, Норвегия), взяли на себя совместные обязательства дополнительного сокращения или демонстрации «органического снижения» до 5 МБС добычи.

Таким образом общее номинальное сокращение (реальное может от него отличаться) составит как минимум 15 МБС. В комментариях речь уже идет о возможности его расширения до 20 МБС, хотя пока неясно, как фактически будет организована реализация достигнутого соглашения.

«НИКОГДА ТАКОГО НЕ БЫЛО – И ВОТ ОПЯТЬ...»

Вместе с тем существующие оценки показывают необходимость дальнейшего снижения предложения, вплоть до 30 МБС, чтобы уравновесить катастрофически обваливающийся спрос. Поэтому мне ясно, что свершившееся необходимо рассматривать лишь как первый шаг. Он имеет важное, но в краткосрочном плане скорее психологическое значение для рынка. За ним обвязаны последовать другие – причем именно коллективные и весьма срочные – действия.

Их задача – оказать не только и не столько психологическое воздействие на рынок «бумажной» нефти, где сегодня формируются нефтяные цены, успокоив торговцев нефтяными контрактами, ибо именно они сегодня определяют цену на рынке. Их цель – реальное воздействие

на рынок физической нефти, чтобы не допустить переполнения наличных нефтехранилищ для нефти и нефтепродуктов, которое в ключевых точках мировой системы нефтеснабжения может случиться уже к концу мая.

Именно опасение нехватки уже к концу следующего месяца мощностей для хранения в центре нефтяной торговли США (в Кушинге, Оклахома) продемонстрировал «черный понедельник» 20 апреля, произошедший в американской нефтяной промышленности. Цены фьючерсов на WTI с майской поставкой упали до отрицательных значений – такое произошло впервые в истории мировой нефтяной отрасли.

В газовой сфере в Европе (в Великобритании) такое уже бывало – в период освоения нефти Северного моря, когда правительство страны ввело запрет на реализацию жидких фракций, если не обеспечивается полная утилизация попутного газа, добываемого с нефтью на соответствующих морских промыслах. Это решение обеспечило ускоренную газификацию Туманного Альбиона и последующую либерализацию газовой отрасли страны. Отрицательные цены становятся нормой в возобновляемой (солнечной и/или ветровой) электроэнергетике – на их использовании в значительной степени строится политика декарбонизации ЕС, в частности по использованию так называемого «зеленого водорода». Но в нефтяной сфере такого не бывало никогда. Как говорил незабвенный Виктор Степанович Черномырдин, «никогда такого не было – и вот опять...»

Тут же появилось множество комментариев на тему этого беспрецедентного события. Однако, наряду с компетентными, возникли и, мягко говоря, непрофессиональные оценки. Причем, чем менее компетентен в этой области «комментатор», тем более нелепа, зачастую, его «экспертная оценка».

Так, один из наиболее высокопоставленных российских чиновников, видимо, в стремлении не оказаться позатытым в публичном пространстве и решив отметить «по горячим следам» на тему одномоментной отрицательной цены на нефть, 21 апреля договорился в своем твиттере до заявления: «То, что мы наблюдаем в отношении нефтяных фьючерсных контрактов, напоминает картельный сговор». Но ведь, как известно, чем выше административный уровень автора высказываний, тем сильнее врезается в память и дольше остается в ней то, **что** было высказано, независимо от степени (не)правдоподобности комментария. И к тому же нелепая оценка из высоких уст имеет обыкновение оседать в несведущих умах (а таких большинство применительно к нефтяной торговле) без критического ее осмысления (действует магия высоких уст). Тем самым создается неверное представление о ситуации и ее последствиях.

Это, думаю, дополнительный аргумент в пользу того, чтобы далее более подробно поговорить об исторической обреченности картелей в нынешних реалиях и о возможности и необходимости найти решение текущей «пожарной» внерыночной разбалансировке нефтяного рынка столь же «пожарными», но всеобщими коллективными мерами по его ребалансировке.

СОГЛАШЕНИЕ ОПЕК+ 9 АПРЕЛЯ

Объединительное соглашение ОПЕК+ рассчитано на два года. При этом масштабы сокращения будут постепенно уменьшаться вслед за снижением избытка предложения на рынке, состояние которого будет тщательно мониториться по мере преодоления мировой экономикой последствий пандемии коронавируса. По плану ОПЕК+ предполагается уменьшить объем сокращения добычи странами-участницами до 8 МБС к концу 2020 года и до 6 МБС к маю 2021 года. Половину первоначально запланированного сокращения ОПЕК+ берут на себя Россия и Саудовская Аравия: по 2,5 МБС каждая – до 8,5 МБС (ибо расчет шел от целевого для этих двух стран уровня 11 МБС).

Но сначала проясним, что случилось 20 апреля. Поэтому позволю себе привести здесь все же более профессиональное объяснение событий нового «черного понедельника» на нефтяном рынке США. Возможность такого их развития предсказывали, кстати, некоторые нефтяные аналитики после мартовских и апрельских встреч ОПЕК+ и «Группы двадцати». Для упреждающего понимания возможности произошедшего необходимо знать механику нефтяной торговли фьючерсами и всего лишь обратиться на сайт NYMEX, чтобы ознакомиться с календарем закрытия месячных контрактов на WTI.

ЕЩЕ ОДИН «ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»

Выражение «черный понедельник» (Black Monday) наверняка слышали люди, даже далекие от экономики. «Черный понедельник» 19 октября 1987 года – это день, когда произошло самое большое падение промышленного индекса Доу-Джонса за всю предшествующую его историю.

Похоже, что в истории США появился второй «черный понедельник». На сей раз – это 20 апреля 2020 года. В этот день, впервые в истории мировой нефтяной отрасли, цены на нефть на «бумажном» ее рынке – майские фьючерсы на американский маркерный сорт WTI на Нью-Йоркской товарной бирже (NYMEX) – в одно-

часье провалились с примерно \$18/барр утром в область отрицательных значений. К 14:30 они достигли исторического минимума – минус \$40,32/барр (см. «Майские фьючерсные контракты на WTI на NYMEX 20 апреля 2020 г.»).

Правда, остаются вопросы. Согласно биржевым правилам, при изменении цены более чем на 15% торги должны быть приостановлены, чтобы сбить панику. Этого в данном случае не произошло. Предвижу проведение соответствующих разбирательств со стороны Комиссии США по торговле товарными фьючерсами (CFTC).

Итак, любой фьючерсный контракт на нефть WTI на Нью-Йоркской товарной бирже (NYMEX) имеет место и дату поставки (в рассматриваемом случае – Кушинг, штат Оклахома, май 2020 года). Держатели контрактов в конце торгового цикла должны либо переоформить контракт на более позднюю дату, либо принять физическую поставку нефти, купленной на фьючерсном рынке. Но последнее происходит в редчайшем числе случаев, считается исключением из практики – когда «что-то пошло не так». Только 1–2%, а то и меньше, фьючерсных сделок завершается физической поставкой. На практике в последние дни торгового фьючерсного цикла спекулянты закрывают свои длинные позиции на рынке бумажной нефти и открывают такие же новые, но с более

МАЙСКИЕ ФЬУЧЕРСНЫЕ КОНТРАКТЫ НА WTI НА NYMEX 20 АПРЕЛЯ 2020 Г., НАКАНУНЕ ДАТЫ ЗАКРЫТИЯ

\$/барр

Источник: <https://ru.tradingview.com/chart/?symbol=NYMEX:CLK2020>

поздним сроком исполнения. Поэтому, как показывает практика, повсеместная и для других бирж и маркерных сортов (например, для маркерного сорта Brent на лондонской бирже ICE), происходит всплеск торговли в последние часы и даже минуты перед закрытием контрактного окна. Как на обычном онлайн-аукционе... (см. «Среднее распределение объемов торгов...»).

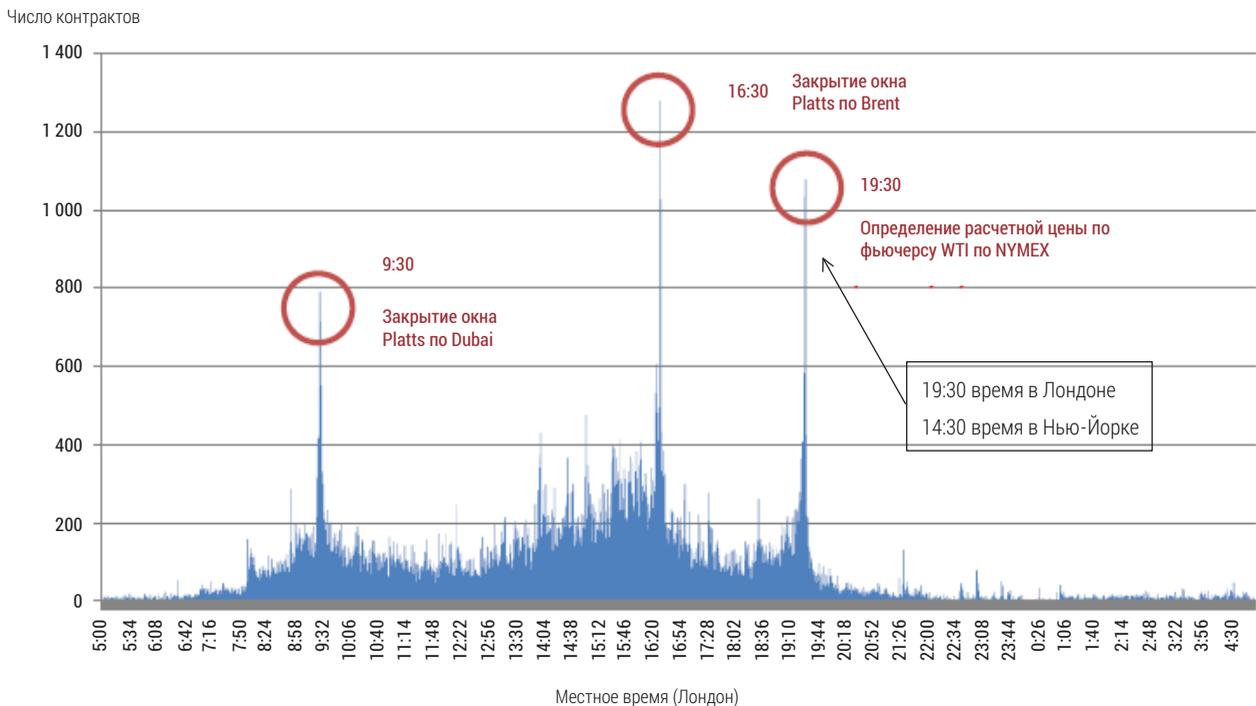
Как правило, перезаключение контрактов (ролловер) происходит без проблем. Но сейчас случилась иная ситуация. Майский фьючерс 2020 года на WTI на NYMEX (биржевой код CLK20) был открыт для торгов 21 ноября 2014 года с датой закрытия (последних торгов) 21 апреля 2020 года. Первый (он же последний) день уведомления осуществить поставку по фьючерсному контракту – 23 апреля 2020 года. Сроки поставки – с 1 по 31 мая 2020 года, то есть именно в тот период, когда наиболее остро стоит проблема возможного переполнения мировых нефтехранилищ. Для локального рынка в Кушинге, штат Оклахома (место исполнения фьючерсных контрактов WTI на NYMEX, известно под нарицательным именем как «мировой трубопроводный перекресток») эта проблема стоит еще острее.

Итак, это важно – срок окна для закрытия майского фьючерсного контракта и определения расчетной цены

истекал 21 апреля. Поэтому любой держатель длинной позиции (покупатель нефти, который не закрыл контракт до этой даты, то есть не продал его на рынке) был бы затем обязан принять поставку сырой нефти в Кушинге в течение мая месяца. Это означает, что инвестор, заключивший ранее майский контракт WTI, был вынужден продать эту позицию (по любой цене) до 21 апреля, чтобы избежать необходимости искать место для своей нефти, ставшей бы уже физической (в случае невозможности перезаключить контракт на более позднюю дату). А хранилища в Кушинге к тому времени, вероятно, будут полностью заполнены. На 17 апреля они были заполнены на 77%, но оставшиеся емкости были большей частью уже зарезервированы.

Кто-то сказал, что спекулянтами движут страх и жадность. До 20 апреля, видимо, преваляровала жадность – ожидание до последнего, что с коронавирусом справятся быстрее, спрос начнет восстанавливаться, соглашение о сокращении добычи будет более всеобъемлющим, физический рынок сбалансирован, цены поднимутся и можно будет закрыть фьючерсные контракты в плюсе. Но 20 апреля страх, наконец, перевесил – боязнь оказаться в мае с физической нефтью на руках и невозможностью ее разместить, если немедленно не закрыть майские контракты по любой цене.

СРЕДНЕЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕМОВ ТОРГОВ ФЬУЧЕРСНЫМ КОНТРАКТОМ НА BRENT НА БИРЖЕ ICE С БЛИЖАЙШИМ СРОКОМ ИСПОЛНЕНИЯ ПО 1-МИНУТНЫМ ВРЕМЕННЫМ ИНТЕРВАЛАМ, сентябрь 2017 г.

Источник: Масленников А.О. Роль экосистемы ценовых бенчмарков в становлении и развитии мирового рынка нефти. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, 2019, рис.9

Таким образом, нефть в одночасье превратилась из финансового актива в материальное обременение, от которого спекулянты – держатели фьючерсных контрактов (преимущественно мелкие розничные частные торговцы) должны избавиться любой ценой. Ведь они не имеют ни навыков, ни возможностей для работы на физическом рынке (то есть с нефтью как с физическим товаром, а не как с ценной бумагой). А на рынке в мае – в условиях сохраняющегося коронавирусного обвала спроса, но продолжающегося, пусть и в меньших объемах, производства и быстрого затоваривания мощностей по хранению в месте, предписанном фьючерсным контрактом (Кушинг, Оклахома) – может просто не оказаться свободных емкостей. Пошла «игра в горячую картофелину» (когда участники, вставши в круг, перебрасывают ее из рук в руки друг другу, дабы быстрее от нее избавиться). Пошел массовый сброс майских контрактов. Плюс, полагаю, внесли свой вклад программы алгоритмической торговли, иначе говоря, торговые роботы, подхватившие понижательный тренд и усугубившие падение цен. Началась торговая паника, которая к середине дня 20 апреля загнала цены в крутое пики отрицательных значений.

В итоге Кушинг стал узким местом американской, а значит, отчасти и мировой нефтяной отрасли. Ибо именно отсюда идет ценовой сигнал в мировую систему нефтеснабжения, ибо именно здесь (в физической привязке к Кушингу) формируется цена на один из двух мировых нефтяных маркеров – сорт WTI, торгуемый на NYMEX в Нью-Йорке. И отсюда мировые СМИ вбрасывают эту информацию в умы обывателей, неподготовленные для ее критического восприятия.

Ситуация с майскими фьючерсами на WTI не обязательно означает ее повторение с фьючерсами июньскими (CLM20), дата закрытия которых – вторник 19 мая, или июльскими (CLN20) – дата закрытия понедельник 22 июня. Понятно, что по мере движения вперед, в результате восстановления спроса и согласованных мер по сокращению добычи и/или ее органического снижения острота проблемы переполнения нефтехранилищ и отрицательных цен в день закрытия очередных фьючерсных контрактов будет снижаться.

Существующие оценки показывают необходимость дальнейшего снижения предложения нефти, вплоть до 30 млн барр/сут., чтобы уравновесить катастрофически обваливающийся спрос

Сменится ли новый «черный понедельник» американской нефтяной отрасли очередным «черным вторником» (напомню, первый «черный вторник» в США случился 29 октября 1929 года – это был день наиболее разрушительного многодневного биржевого обвала, поло-

жившего начало Великой депрессии)? Или повторится еще один «черный понедельник» для нефтяной отрасли? Это будет зависеть от того, как быстро и сколь интенсивно начнет восстанавливаться спрос (сомневаюсь, чтобы это начало происходить до 19 мая) и насколько производители смогут сократить добычу, чтобы не допустить ожидаемого переполнения нефтехранилищ (и снова в первую очередь в Кушинге, Оклахома).

Это первые в истории нефтяного рынка коллективные и действительно совместные соглашения сколь-нибудь заметных производителей. Причем это не закрытые картельные соглашения, а открытые для всех желающих присоединиться

И вот здесь остается поле не только для органического сокращения добычи американских сланцевых производителей под влиянием упавших цен (добыча на многих промыслах стала нерентабельной), но и для коллективных согласованных «пожарных» действий в рамках международного сообщества. Здесь любые разумные средства хороши, чтобы оттянуть пик и тем самым уменьшить вероятность возможного затоваривания складских емкостей. Растягивая кривую затоваривания (превышения спроса над предложением), мы тем самым сдвигаем его пик вправо-вниз. По аналогии с применяемыми сегодня методами борьбы с коронавирусом COVID-19 – карантинными мерами не допустить всплеска распространения пандемии сверх уровня наличных медицинских мощностей.

КТО ВЫИГРАЛ И КТО ПРОИГРАЛ?

Но вернемся к событиям начала апреля – новым соглашениям ОПЕК+ и стран «Группы двадцати».

Немедленно, как это обычно бывает, начались многочисленные комментарии: кто виноват в том, что на рынке произошел обвал цен, кто больше выиграл, а кто больше проиграл в результате достигнутых всеобщих договоренностей (принимавшихся в авральном порядке), насколько адекватны интересам той или иной страны объемы снижения добычи. Большая часть комментариев акцентирует внимание на «изъянах» принятых решений. Мол, согласованного снижения недостаточно, чтобы угнаться за катастрофически падающим спросом, оно-де в пользу одних или других участников.

В итоге оценки уходят в область суждений, проникнутых логикой «стакан наполовину пуст», а не «стакан наполовину полон». Да и как считать выигрыши-проигрыши отдельных стран в условиях, когда на кону стоял (и по-прежнему стоит) глобальный кризис перепроизводства мировой нефтяной отрасли. Этот кризис

мог перерасти в необходимость остановки действующих промыслов из-за грядущего через месяц-полтора переполнения нефтехранилищ в результате обрушения спроса. Причем масштабы данного кризиса разрастаются через мультипликативные эффекты от первично пострадавших отраслей-потребителей нефтепродуктов (транспортного сектора, спрос со стороны которого упал на 60%, к «земле приковано» две трети авиапарка) к смежным отраслям.

За бортом комментариев, однако, зачастую остается главное – что это первые в истории нефтяного рынка коллективные и действительно совместные соглашения сколь-нибудь заметных производителей (почти третьей части из примерно сотни нефтедобывающих государств, на долю которых приходится более половины мировой добычи). Причем это не закрытые картельные соглашения, а открытые для всех желающих присоединиться и доступные в публичном пространстве.

Важно, что они достигнуты в гораздо более сложных условиях видеоконференций, а не прямых переговоров. В последних существует нерв и чувствуется дух прямого общения (чего не может передать телевизионная картинка), дополнительно способствующий сближению (знаю это по собственному опыту, поскольку в течение шести лет был вторым лицом в международной межгосударственной энергетической организации, включающей 51 страну). В ходе переговоров можно, устраивая паузы, выходить из общего зала в кулуары для того, чтобы в более узком кругу или в общении «с глазу на глаз» утрясать спорные вопросы, уговаривать, убеждать, умащивать отдельных наиболее несговорчивых участников для достижения общего взаимоприемлемого результата. Это более гибкий, более мягкий, а потому более эффективный, чем режим телеконференции, формат. Тем выше моя оценка достигнутого 9–10 апреля результата и усилий всех тех, кто внес свою лепту в его достижение (независимо от того, что оно, безусловно, не является полным и окончательным).

Необходимо отметить главное в этой ситуации – объединительные усилия на всех уровнях, начиная с сыгравших важнейшую роль первых лиц ключевых государств «большой нефтяной тройки»: США, Саудовской Аравии и РФ

Полагаю, необходимо отметить главное в этой ситуации – объединительные усилия на всех уровнях, начиная с сыгравших важнейшую роль первых лиц ключевых государств «большой нефтяной тройки»: США, Королевства Саудовской Аравии (КСА) и Российской Федерации. Фамилии первых лиц можно ставить в любой последовательности, хотя практическое взаимодействие тройки (понятно, что подготовка началась раньше)

в публичном пространстве началось со звонка Президента США Трампа наследному принцу КСА бен-Салману и Президенту РФ Путину 30 марта, то есть в самый канун 1 апреля. Именно начиная с этой даты должно было прекратиться действие ограничений по добыче в рамках соглашения ОПЕК+, заключенного в декабре 2016 года (из-за мартовских разногласий между Россией и КСА по вопросу о масштабах сокращения добычи для удорожания рынка в равновесном состоянии).

ПРЕОДОЛЕТЬ ВРЕМЕННЫЙ ШТОРМ

Я, конечно, понимаю, что достигнутые соглашения, увы, временные. Они сцементированы одной большой общей бедой. Преодолеем коронавирусную заразу, острота и авральные характер ситуации уйдут, спрос и предложение вновь более-менее сбалансируются – и на первый план снова выйдут национальные интересы, рыночные силы, конкурентная борьба более эффективных с менее эффективными производителями, на поддержку которых будут (явно или закумуфлированно) вставать стоящие за ними суверенные государства.

Но сегодня речь идет о преодолении штормовой для всех ситуации, источником которой были не рыночные силы, но общемировая внерыночная беда. Поэтому и бороться с ней необходимо коллективными усилиями во внерыночном формате.

Как преодолеть этот временный шторм? Из детских книг про путешествия, приключения, пиратов (мои любимые были «Наследник из Калькутты» и «Одиссея капитана Блада») помню, что в стародавние времена капитан застигнутого штормом где-нибудь в южных водах парусного корабля (обычно пиратского) пытался укрыться в спасительной спокойной лагуне близлежащего атолла. А для того чтобы попасть в нее через обычно узкий проход в коралловом рифе, давал команду разбить и вылить на воду перед бушпритом корабля, перед самым входом в бухту, бочку масла. Силы поверхностного натяжения (физику процесса я понял уже в средних классах школы) на очень короткое время утихомиривали бушующие волны, пока сила стихии не разрывала образовавшуюся поверхностную пленку и море вновь не начинало бушевать. Но за это короткое время искусный судоводитель успевал (или должен был успеть) войти в спасительные спокойные воды лагуны, где и переждал остаток шторма.

Вот роль такой «бочки масла» сыграла и продолжит играть (надеюсь, одной «бочкой» дело не ограничится) всеобщая, поддерживаемая коллективными усилиями договоренность нефтедобывающих стран, ведомая большой нефтяной тройкой. По крайней мере, до тех пор, пока мировой спрос и предложение не будут приведены в соответствие. А роль капитана (или того, кто предложил бросить бочку с маслом на бушующие волны) исполнил, на мой взгляд, Райан Ситтон – один из трех комиссаров Техасской железнодорожной комиссии (ТЖК). Эта организация, носящая историческое, еще из XIX века, название, действует в основном нефте-

добывающем штате страны, дающем треть американской нефтедобычи (см. «Что такое Техасская железнодорожная комиссия»).

Можно привести и другую аналогию: во времена Гражданской и Великой отечественной войн, как мы знаем, именно комиссары зачастую поднимали бойцов в атаку...

КОМИССАР РАЙАН СИТТОН

Хронологическая последовательность далеко не всегда означает причинно-следственную связь, но тем не менее... Всегда кто-то должен быть первым. Как говорил Михаил Сергеевич Горбачев, «главное – начать...» На мой взгляд, после мартовского развала ОПЕК+ именно Райан Ситтон первым озвучил в публичном пространстве программу коллективных действий. И она фактически легла в основу последующего комплекса международных коллективных договоренностей. 20 марта в его статье, опубликованной агентством Bloomberg, прозвучала неформальная инициатива о необходимости и возможных путях коллективного решения проблемы балансировки обрушившегося спроса и ставшего избыточным предложения.

По его мнению, обрушившиеся цены «не являются результатом действия рыночных сил». «Впервые предложение и спрос одновременно деформированы силами, находящимися полностью вне нормальных экономических условий... Похоже, что рынок перенасыщен на 10–15 МБС, то есть примерно на 10–15%», – отмечал Райан Ситтон. Он признавал, что «сланцевая революция сделала США крупнейшим мировым производителем и нетто-экспортером нефти с уровнем добычи более 13 МБС». Вместе с тем он подчеркивал: «США и Техас находятся в невыгодном положении в том смысле, что правительства КСА и России контролируют свою нефтяную промышленность, а США поддерживают функционирование свободного и открытого рынка... Задача – пережить этот временный шторм... Никто – ни КСА, ни Россия, ни США, ни кто-то иной – не выигрывает от нестабильных энергопоставок... Пришло время нашим лидерам отвести опасность продолжающейся ценовой войны».

И дальше – ключевая объединительная идея: «ТЖК, которая регулирует добычу нефти и газа в штате, имеет полномочия вводить систему квотирования, вводя таким образом количественные ограничения для техасских производителей. К использованию таких полномочий не при-

ЧТО ТАКОЕ ТЕХАССКАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КОМИССИЯ

Несмотря на свое название, состоящая из трех членов Техасская железнодорожная комиссия (ТЖК) более не контролирует железнодорожную систему штата. Она была образована в 1890 году для регулирования частных железных дорог, терминалов, верфей и компаний по доставке грузов. Ее мандат постепенно расширялся и в 1919 году включил нефть и газ.

ТЖК исторически считается одним из важнейших органов регулирования в стране. Производители должны получать разрешения ТЖК для бурения и эксплуатации скважин. Откуда у нее эти полномочия? В начале 1930-х годов группа участников отрасли, ученых и общественных деятелей выступила за то, чтобы государство взяло в свои руки регулирование нефтедобычи. Это было необходимо для стабилизации цен, резко падающих из-за безудержного и бессистемного роста производства на крупнейшем месторождении Восточный Техас (открыто в 1930 году). ТЖК в конечном итоге получила полномочия пропорционально распределять добычу (вводить систему квотирования), что означало ее правомочность устанавливать уровень производства для каждой нефтяной скважины в Техасе. Умелое обращение ТЖК с этой властью послужило моделью для системы квотирования ОПЕК.

Сегодня ТЖК имеет репутацию «мягкого» регулятора нефтегазовой отрасли штата, в том числе с экологической точки зрения. Так, в процессе нефтедобычи компании предпочитают сжигать попутный нефтяной газ (ПНГ), являющийся для них обременением. Американские нефтяники утверждают, что сжигание ПНГ является наиболее экологически приемлемым способом избавиться от него, если не удается его продать. Экологические активисты говорят, что регуляторы американских штатов, включая ТЖК, должны быть более жесткими в своих практических действиях по отношению к тем, кто загрязняет воздух и вносит негативный вклад в изменение климата. ТЖК, которая никогда не отрицала выдачу разрешений на сжигание ПНГ, подвергается жесткой критике со стороны ряда представителей промышленности за слишком мягкую политику по этому вопросу.

Электорат Техаса избирает трех комиссаров ТЖК на шестилетний срок со скользящим (не совпадающим по времени избрания) графиком их пребывания в должности. Брайан Ситтон – комиссар ТЖК с 2014 года. Его шесть лет в должности заканчиваются в ноябре 2020 года, и его фамилии не будет в избирательном бюллетене на новый срок – 3 марта он проиграл республиканские праймериз другому кандидату.

бегали с 1973 года. Теоретически Техас может сократить добычу на 10%, и если Саудовская Аравия готова сократить добычу на 10% по сравнению с уровнем до пандемии и Россия готова сделать то же самое, это вернет рынок к докризисному уровню (и лишь к некоторому переизбытку нефти) ... Техас контролирует свою судьбу, но он не контролирует судьбу других. Нам нужно наше федеральное правительство и наш президент, чтобы достичь соглашения, которое стабилизировало бы нефтяные рынки... Когда глобальная пандемия отнимает наши жизни, наверное, стоит обсудить, насколько квотирование добычи техасских производителей уместно, если оно сможет вернуть мир обратно в лоно рыночных сил».

Владимир Путин: «Все заинтересованы в совместных и, хочу это подчеркнуть, согласованных действиях для обеспечения долгосрочной стабильности рынка»

Фактически Ситтон уже вел речь о «большой нефтяной тройке» как основе для экстренного урегулирования разбушевавшегося нефтяного шторма.

На мой взгляд, такого рода сигналы являются даже более важными, чем разнонаправленные политические заявления Президента США, вынужденного постоянно маневрировать. Ведь именно ТЖК имеет реальные рычаги оперативного регулирования добычи в основном нефтеносном штате страны через выдачу разрешений на сжигание попутного газа и/или на бурение и эксплуатацию скважин. А сланцевая добыча, как известно, – это процесс непрекращающегося бурения новых скважин для поддержания объемов производства вследствие очень короткого их жизненного цикла (много более короткого, чем срок эксплуатации скважин на традиционную нефть).

БОЛЬШАЯ НЕФТЯНАЯ ТРОЙКА

На момент выступления Ситтона речь о «большой тройке» в публичном пространстве России еще не шла. В тот же день, когда мнение комиссара ТЖК было опубликовано в США, в российские СМИ просочились слухи о том, что президент Владимир Путин, якобы, дал поручения министру энергетики Александру Новаку начать новые переговоры по возрождению формата ОПЕК+. Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков отказался от комментариев в связи с этими сообщениями, а КСА такую информацию позже опровергло. Однако само содержание этих слухов, подразумевавшее возобновление именно двустороннего формата урегулирования в рамках ОПЕК+ (Россия – КСА) вызвало у меня тогда озабоченность и опасения. Думалось, что мы можем в очередной раз наступить на те же грабли картелиза-

ции, без попытки вовлечения в систему действий всех основных участников рынка, сколь бы тяжелой ни представлялась такая задача.

Гораздо более обнадеживающе прозвучали для меня последовавшие 27 марта высказывания замминистра энергетики Павла Сорокина. Он заявил о том, что страны ОПЕК+ не могут участвовать в ребалансировке мирового рынка нефти в одиночку (хотя, по его словам, идет постоянное общение между специалистами, поддерживаются постоянные рабочие контакты на уровне министерств и министров между различными странами). По его мнению, стабилизировать рынок нефти без США не удастся. Однако Минэнерго КСА тогда же, 27 марта (уже после заявлений Павла Сорокина), сообщило, что между министрами энергетики Саудовской Аравии и России не было никаких контактов ни по поводу совместной работы по ребалансировке нефтяного рынка, ни по вопросу увеличения числа стран-участниц соглашения ОПЕК+. Видимо, вплоть до того момента негативный флер от состоявшегося в начале месяца разрыва отношений двух стран все еще доминировал (энергетическом) руководстве КСА...

А затем время спрессовалось, и события развернулись, что называется, «оверкиль». 30 марта президент США в эфире своего любимого телеканала Fox News анонсировал телефонный разговор с президентом России, который состоялся в тот же день. За ним последовали телефонные разговоры глав энергетических ведомств России и США. 3 апреля состоялось совещание у российского президента с отечественными нефтяниками о ситуации на глобальных энергетических рынках, в ходе которого Владимир Путин отмечал: «Россия считает необходимым объединить усилия»; «все заинтересованы в совместных и, хочу это подчеркнуть, согласованных действиях для обеспечения долгосрочной стабильности рынка»; «...мы готовы к договоренностям с партнерами и в рамках этого механизма – ОПЕК+ и готовы к взаимодействию с Соединенными Штатами Америки по этому вопросу... Считаю, что необходимо объединить усилия, чтобы сбалансировать рынок и сократить в результате этих скоординированных усилий, скоординированных действий добычу». И, наконец (привет Ситтону!): «Речь может идти о сокращении в объеме где-то 10 млн барр/сут., чуть меньше, может, чуть больше... Конечно, это все должно происходить по-партерски».

Понятно, что поначалу инициатор прямого разговора глав государств Дональд Трамп занял естественную «стартовую» позицию для любой третьей стороны, выступающей в роли мирового посредника для двух других конфликтующих сторон. То есть он постарался поставить себя «над схваткой». В стремлении помирить Саудовскую Аравию и Россию он чуть ли не «потребовал» поначалу, чтобы они уменьшили объемы поставок на рынок (притом что речь о принудительном сокращении добычи самими США поначалу даже не шла – она там снижалась «органическим» путем в результате падения цен). Однако в итоге участие всех трех лидеров

(США, КСА и России) оказало, на мой взгляд, существенное влияние на саму возможность достижения многосторонней договоренности.

Без участия США сегодня мало смысла в соглашении нефтедобывающих стран. Чуть только освобождалась рыночная ниша, ее немедленно занимали американские сланцевые компании

После этого уже не столько важны «процентные вклады» каждого из трех первых лиц в достигнутое в пожарном порядке всеобщее (понимаю, что временное) урегулирование. Важно, что это произошло. И, на мой взгляд, произошло впервые, когда все поняли, что для преодоления всеобщей беды нужно сплотиться, а не заниматься двусторонними разборками (кто первый начал) и/или поиском решений на пути картелизации (нефтяной махновщины).

Однако, справедливости ради, хочу отметить, что, на мой взгляд, американскому президенту пришлось труднее, чем российскому и саудовскому лидерам (и на это также обратил внимание Ситтон).

ПРОБЛЕМЫ США

Без участия США сегодня мало смысла в соглашении нефтедобывающих стран. Чуть только освобождалась рыночная ниша в результате сокращения добычи странами ОПЕК+, ее немедленно занимали американские сланцевые компании: у них много пробуренных горизонтальных, но не законченных строительством (не подготовлено применение гидроразрыва) скважин, поэтому они могут быстро нарастить добычу.

Следовательно, прежде всего, нужно было обеспечить участие в коллективных действиях всех трех основных игроков: Саудовской Аравии, США и России, несмотря ни на какие препятствия. А их было и остается много – имеются противоречия как между всеми парами указанной тройки, так и, в первую очередь, внутри США. Посадить США за стол переговоров и удержать впоследствии за ним (поскольку достигнутые 9–10 апреля соглашения не решают проблему полностью) – вот самая сложная, на мой взгляд, задача для всех участников рынка нефти.

Между тем Соединенные Штаты раздирают противоречия – как внутри политических элит, так и по линии «политики – профессионалы». Да и нефтяное сообщество страны отнюдь не однородно. Кроме того, Вашингтон стремится к мировой гегемонии, вводит санкции против России и угрожает ими Саудовской Аравии. В этих условиях достижение договоренности между Россией с Саудовской Аравией о снижении добычи – на мой взгляд, непростая, но более техническая задача, несмотря на взаимные обвинения из разряда «кто первый начал».

У президента США положение гораздо более тяжелое для объединительных действий на рынке нефти, чем у президента России или у короля Саудовской Аравии. В стране действует антимонопольное законодательство – Дональд Трамп не может ни «приказать» свои нефтяным генералам, ни побудить их к проведению согласованной политики. Более того, личность президента до сих пор является причиной и объектом непрекращающейся конфронтации политических элит США (республиканцы против демократов).

1 апреля 42 конгрессмена подписали письмо Трампу, в котором говорится о методах нормализации на мировом рынке нефти для поддержания американских производителей, обеспечения энергобезопасности США и для сохранения американского глобального энергетического доминирования. Конгрессмены ратуют не только за вполне понятные и обоснованные меры господдержки своих мелких и средних сланцевых компаний в области налогового и тарифного регулирования, но и за возведение барьеров против внешнего нефтяного врага. К таковым они относят КСА и Россию, обвиняя их в согласованных целенаправленных разрушительных действиях против нефтяников США. Поэтому авторы письма призывают к тому, чтобы США решали проблемы силовыми методами – путем угрозы новыми санкциями против России и отказа в американской военной помощи для КСА. А в письме на имя кронпринца КСА бен-Салмана от 8 апреля 48 американских конгрессменов перешли уже к прямым угрозам в адрес Королевства, если переводить текст их послания с дипломатического на общеупотребительный язык.

В этих условиях Россия должна быть, на мой взгляд, заинтересована в том, чтобы поддержать любые действия, направленные на сохранение многостороннего сотрудничества с участием всей «большой нефтяной тройки»

Трудно третьим странам предпринимать объединительные действия, когда риторика американских политиков постоянно нацелена на сохранение мирового энергетического доминирования нефтедобытчиков США.

Но в США нет единства и среди профессионалов-нефтяников. Основные пострадавшие от обрушения спроса и цен – мелкие и средние (по американским меркам) неинтегрированные компании, основные производители сланцевой нефти. То есть те, которые заняли место, освободившееся на рынке после того, как заработало декабрьское 2016 года соглашение стран ОПЕК+. Пока сланцевые компании ведут добычу, они, несмотря на высокую закредитованность и ухудшаю-

щиеся кредитные рейтинги (нефтегазовые компании являются основными эмитентами т.н. «мусорных облигаций» – то есть ценных бумаг со спекулятивными, ниже «ВВ-минус» рейтингами, на рынке США), продолжают получать займы на бурение и рефинансирование долгов. Их текущая добыча захеджирована (до конца 2020 года – по цене в среднем \$55/барр), а экономика США продолжает заливаться деньгами – предусмотрены новые гигантские финансовые вливания.

Однако падение спроса под влиянием пандемии коронавируса в наибольшей степени ударило именно по американским сланцевым производителям, ибо наибольшее сокращение спроса произошло в транспортном секторе – основном потребителе легких нефтепродуктов (бензин, авиакеросин). А значит, со стороны НПЗ (по данным агентства Enverus, их загрузка в США в мае составит всего 50%) спрос упал в первую очередь на легкую сланцевую нефть, имеющую плотность 40–45°API. Поэтому именно в этом секторе сосредоточивается бóльшая часть временно омертвляемых нефтяных активов. По оценке Enverus, в мае органическое сокращение сланцевой добычи в США составит 3,4 МБС, из которых 70% снижения придется на нефтяников Техаса: 1,8 МБС в бассейне Permian и 0,6 МБС в бассейне Eagle Ford. Для сравнения: в конце 2019 года американская добыча составляла 13 МБС.

Если политика – это искусство возможного, то энергетическая дипломатия в данной ситуации должна постараться стать искусством невозможного

Именно поэтому они, судя по всему, первыми почувствовали эту приближающуюся угрозу, предвестником чего явился «черный понедельник» 20 апреля. И видимо именно поэтому от них, техасских сланцевиков, в лице их регулятора ТЖК, еще в конце марта последовали недвусмысленные сигналы о необходимости коллективных мер по ограничениям добычи – профессионалы умеют прогнозировать последствия.

Часть сланцевых нефтедобытчиков неизбежно банкротится. Это процесс постоянный и имеющий динамику, обратную ценовой. Но если, по данным S&P Global Platts, в период 2008–2014 годов среднее число банкротств не превышало пяти в год, то после провала нефтяных цен в 2014 году оно составило в 2015–2019 годах, соответственно, 25, 48, 16, 9 и вновь 16. И снова резко возрастет в нынешнем году. Сланцевые активы обесцениваются (несмотря на защитные механизмы статьи 11 Закона США «О банкротстве»), и на сцену выходят покупатели – крупнейшие американские вертикально интегрированные нефтяные компании, у которых дело с финансами обстоит не так плохо. А также появляются иностранные инвесто-

ры, в том числе саудовские, что этой стране вменяется в вину конгрессменами США: будто бы саудиды хотят взять под контроль американских сланцевиков.

В этих условиях Россия должна быть, на мой взгляд, заинтересована в том, чтобы поддержать любые действия, направленные на сохранение многостороннего сотрудничества с участием всей «большой нефтяной тройки». И любых других государств, участие которых в противодействии этому временному шторму будет уместным и целесообразным. Только так можно преодолеть последствия нефтяного ценового шока, наложившегося на эффект от пандемии COVID-19 и мартовского распада ОПЕК+, не ограничиваясь достигнутыми 9–10 апреля мерами.

ЭНЕРГОДИПЛОМАТИЯ КАК ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

В текущих условиях главная краткосрочная задача нефтяной отрасли – не допустить переполнения нефтехранилищ, чтобы избежать обвального и плохо контролируемого закрытия скважин. А угроза эта нарастает с каждым днем. Поэтому в таких условиях хороши любые рациональные средства, которые могут как минимум оттянуть «час X».

Так, например, в отечественных СМИ прошло либо незамеченным, либо было встречено с насмешкой или издевкой сделанное 21 апреля заявление исполнительного директора «Нафтогаза» Юрия Витренко о том, что Украина в состоянии поддержать мировой рынок нефти, который рухнет из-за переполнения хранилищ. И поэтому он предложил передать часть сырья Украине. Ибо у страны есть огромная нефтетранспортная система, в которой можно хранить нефть, множество остановленных НПЗ, на которых достаточно емкостей. Остался и один работающий НПЗ в Кременчуге, где также имеются места для хранения сырья, а также есть хранилище на миллион тонн у Минобороны.

«Похоже, бизнес по хранению нефти наиболее прибыльный. Нужно не упустить возможности и максимально его монетизировать», – призвал Витренко. При этом он добавил, что хранить следует не российскую нефть, а сырье от других производителей.

Неприкрытая антироссийская позиция г-на Витренко широко известна (мне лично – так еще с 2006 года). Более того, своими высказываниями в адрес России, руководства страны и «Газпрома» в СМИ и на различных международных конференциях (чему я также был неоднократным свидетелем, но от публичного диалога со мной на этих конференциях г-н Витренко каждый раз всячески уклонялся) он, на мой взгляд, давно сделал себя нерукопожатным для российских официальных лиц. Что, однако, не помешало «Газпрому» и «Нафтогазу» заключить новый транзитный долгосрочный газовый контракт и лишней раз показало, что интересы государств выше личных амбиций или обид. И Миллер и Витренко в итоге публично, что засвидетельствовала официальная фотосъемка, пожимали друг другу руки

при подписании этого контракта, несмотря на длительный предшествующий «обмен любезностями» сторон.

Поэтому, разделяя «мухи и котлеты», я бы не стал с порога отмечать это и/или иные, кажущиеся на первый взгляд утопичными, предложения. Даже если они сделаны лицами с антироссийской позицией и снова, как и в газовой истории, представляются неприемлемыми или неприменимыми для моей страны. Или если поначалу для их реализации нет достаточных видимых оснований.

Если в предложении есть рациональное зерно (а оно, на мой взгляд, в озвученном Витренко предложении есть), то профессионалы должны его вычленивать и выстроить работающую схему реализации, обозначить недостающие звенья, показать алгоритм формирования работающего механизма. Далее должно включаться искусство дипломатии. И все это – в сверхсрочном режиме.

Первая реакция самой украинской стороны – от профессионалов – была отрицательной. Обычно так и бывает во всех бюрократических структурах. Вспомним законы Паркинсона: первая реакция – объяснить, почему то или иное предложение, требующее новых действий, невозможно реализовать.

22 апреля оператор нефтегазотранспортной системы Украины (НТСУ) компания «Укртрансгаз» (УТН) заявила, что НТСУ не предусматривает возможности предоставления услуг по хранению нефти, ибо всё технологическое оборудование НТСУ было спроектировано и построено исходя из ее основного производственного задания – обеспечивать надежную и бесперебойную транспортировку нефти. Кроме того, возможности хранения нефти для иностранных компаний на территории Украины не урегулированы на законодательном уровне. Так, согласно нормативно-правовым актам, нефть импортного происхождения может находиться на территории Украины только в двух режимах – импорт или транзит, отметили в УТН.

Но уже 25 апреля та же УТН предлагает Минфину Украины разработать нормативно-правовые основы для хранения нефти на мощностях НТСУ в режиме «таможенный склад». Предоставление объектам НТСУ статуса «таможенный режим» позволит заказчикам хранить нефть в НТСУ в течение 1095 дней (3 года) без налогообложения и таможенных пошлин, а обществу – получать дополнительный доход от предоставления услуг по хранению.

Опыт по быстрому переводу в режим «таможенного склада» объектов газотранспортной системы Украины (ГТСУ) в стране имеется – недавно в такой режим были переведены мощности подземных газохранилищ (ПХГ) на западе страны. Этот опыт может позволить по такому же ускоренному алгоритму (плюс эффект «кривой обучения») перевести в режим «таможенного склада» и объекты НТСУ.

На мой взгляд, несмотря на оговорку Витренко о введении ограничений по национальному признаку, предложение УТН об использовании НТСУ в режиме «таможенного склада» может оказаться применимым именно и только для российских нефтяных компаний. Никакие другие поставки на Украину либо невозможны, либо требуют серьезного и долгого изменения логистики на международном уровне.

Танкерные поставки в Одессу из третьих стран означают встречные транспортные потоки через турецкие проливы. Решение этого вопроса выходит за рамки горизонта реагирования на недопущение переполнения мировых нефтехранилищ. Развернуть физические потоки нефти в трубопроводах, идущие с востока на запад, невозможно, как и применить к ним механизм виртуального реверса. Остаются только трубопроводные поставки российской нефти по системе «Транснефти». И они могут быть оформлены, по-видимому, как давальческое сырье от консорциума российских компаний (распределение и перераспределение объемов между ними – внутрироссийское дело), агентом которого может выступать «Транснефть». В случае прямых поставок непосредственное участие в них госкомпания «Роснефть», видимо, будет затруднено по политическим мотивам, что станет дополнительным тормозящим моментом для быстрой реализации самой схемы.

Переход на «бери или плати» выглядит скорее фантастически, особенно в период низкого спроса на нефть, потому что потребителям это будет попросту невыгодно

Понимаю, что могут возникать и иные ранее не рассматривавшиеся и /или не принимавшиеся во внимание предложения, которые могут оказаться пригодными для решения текущей пожарной задачи.

Правда, не думаю, что в качестве такого предложения может рассматриваться инициатива уже упоминавшегося ранее высокопоставленного чиновника, заявившего: «С учетом нашего опыта в газовой сфере предлагаем продавать нефть по принципу take or pay. Готовы обсуждать этот принцип с нашими партнерами». Специалисты-профессионалы сразу же популярно объяснили, что переход на «бери или плати» выглядит скорее фантастически, особенно в период низкого спроса на нефть, потому что потребителям это будет попросту невыгодно.

«ОСТАВЬТЕ НЕФТЬ В НЕДРАХ»

Один из возможных вариантов дополнительной реализации текущего предложения обсуждается сейчас в США. Пока он нацелен на защиту, как этого и следовало ожидать, исключительно национальных – американских – производителей сланцевых углеводородов. Но, быть может, он (или его разновидность) подойдет как один из возможных путей решения проблемы и в других странах, обладающих подушкой безопасности в виде накопленных ранее финансовых резервов или доступом на мировые финансовые рынки? И/или как целевая схема в рамках заключенного соглашения ОПЕК+ /G20, где в обеих организациях Саудовской Аравии так или иначе

принадлежит в этом году руководящая роль? Возможно, таким образом можно будет придать новый импульс таким международным финансовым организациям (МФО), как МВФ, Всемирный банк?

По сообщениям прессы, администрация президента США рассматривает возможность финансовой поддержки производителей нефти – выплат американским нефтяным компаниям за отказ от ее добычи. Когда эту нефть все-таки добудут, американские компании смогут ее продать, но доходы получит Минфин США.

Некоторые из комментаторов относятся к этому насмешливо. Я – нет. Ведь по сути это означает, что правительство авансом купит у производителей нефть в недрах, но попросит ее оттуда не извлекать и не поставлять на рынок. В принципе – это нормальная экономическая ситуация. Она аналогична либо заключению торгового контракта с отложенной поставкой (но это не «бери или плати»), либо подписанию инвестиционного соглашения (скажем, инвестора-недропользователя с принимающей страной-собственником недр) с отложенным вступлением в силу. Например, до тех пор, пока правительство принимающей страны не введет в действие соответствующие законы и регламенты, необходимые для минимизации рисков инвестора-недропользователя (например, как это было в случае проекта СРП «Сахалин-2»).

Госконтракты с нефтяными компаниями (вот вам еще одна возможная форма частно-государственного партнерства) должны быть в таком случае заключены на основе уже доказанных извлекаемых запасов (то есть фактически обустроенных месторождений), но их разработка будет отсрочена на несколько лет или на неопределенный срок. Такого рода механизмы стерилизации текущего предложения с возможными авансовыми платежами за отложенную добычу нефти – своего рода механизм компенсаций компаниям за помощь в решении не только общенациональной,

но и общемировой задачи. Они могли бы быть, при обосновании их состоятельности, разработаны соответствующими МФО на глобальном (Всемирный Банк, МВФ) и региональном (например, региональные банки развития) уровне.

Такой план, пишут американские СМИ, можно охарактеризовать как «оставьте нефть в недрах», и он потребует ассигнований от конгресса примерно на \$7 млрд в текущих ценах. Но их получение может снова наткнуться на противостояние президента и конгресса. Администрация Трампа недавно уже потерпела неудачу при попытке получить \$3 млрд на покупку нефти для стратегического резерва: это может помешать и новому плану, пишет Bloomberg. Однако можно было бы в данном случае вместо ассигнований от конгресса использовать дешевые заемные средства от ВБ, МВФ и других МФО. Причем касательно не только США, но и других нефтедобывающих стран, вынужденных идти, в интересах всего мира, на сокращение добычи, чреватое утратой активов или части их стоимости. Разве такие действия не подпадут под мандат МФО? И тогда Конгресс США уже не сможет быть препятствием для общемирового урегулирования.

Но сделка может оказаться еще и выгодной для соответствующих бюджетов, как и любая форвардная сделка на ценовую разницу (покупаем сегодня по более низкой цене, продаем завтра, когда избыток предложения рассосется, по более высокой). Для США уже прикинули ценовую разницу: купив 365 млн барр нефти WTI по \$19,87/барр и продав, например, по средней в 2019 году цене в \$57,04/барр, бюджет США получит дополнительные \$13 млрд. Даже продажа на уровне \$30/барр принесет \$4 млрд выгоды.

Любые решения, кажущиеся на первый взгляд фантастическими, уместно оценить в нынешних условиях штормовой ситуации на нефтяном рынке, угрожающей ввергнуть мировую экономику в пучину общемирового кризиса нефтяного перепроизводства. 🚩

Оценки, прогнозы
и рекомендации
топ-менеджеров
нефтегазовых компаний

www.ngv.ru